

УДК 94(47).084.6:343.352

<https://doi.org/10.24158/fik.2020.6.21>

Сушков Андрей Валерьевич

Sushkov Andrei Valeryevich

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук

PhD in History, Senior Research Fellow, Institute of History and Archaeology of the Ural branch, Russian Academy of Sciences

**«ДЕЛО ПЕРМСКОЙ ЛЕЧКОМИССИИ»:
КОРРУПЦИОННЫЕ
ПРАКТИКИ НА УРАЛЕ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГГ.**

**“THE CASE OF PERM MEDICAL
COMMISSION”: CORRUPTION
PRACTICES IN THE URALS
IN THE FIRST HALF OF THE 1930S**

Аннотация:

В статье рассмотрены повседневная жизнь и управленческие практики партийных и хозяйственных руководителей г. Перми Уральской (Свердловской) области в первой половине 1930-х гг. На основе документов органов партийного контроля, находящихся на хранении в Центре документации общественных организаций Свердловской области, проанализированы факты незаконного расходования финансовых и материальных ресурсов в личных целях. Как свидетельствуют документы, источником роскошной жизни местной партноменклатуры, помимо бюджетных средств, являлись финансовые ресурсы предприятий, организаций и учреждений. Первые лица города и их ближайшее окружение проживали в достаточно комфортабельных условиях, даже в голодные времена устраивали банкеты и вечера, носили дорогую одежду. Автор пришел к выводу, что коррупционные действия хозяйственных и партийных руководителей шли вразрез с провозглашаемым советской пропагандой образом коммуниста, с декларируемыми идеями равенства и справедливости. Поэтому они причиняли не только значительный экономический ущерб, но и наносили непоправимый репутационный урон, дискредитировали советскую систему власти в целом.

Ключевые слова:

партийно-государственная система власти, Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б), Пермский горком ВКП(б), Урал, Пермь, хозяйственные преступления, коррупция, история промышленности, индустриализация, управленческие практики.

Summary:

The paper considers the daily life and management practice of party and economic leaders of the city of Perm of the Ural (Sverdlovsk) region in the first half of the 1930s. The facts of illegal spending of financial and material resources for personal purposes are analyzed on the basis of documents of party control bodies from the Center of Documentation of public organizations of the Sverdlovsk region. According to the documents, the source of luxurious life of the local party nomenclature, in addition to budgetary funds, was financial resources of enterprises, organizations and institutions. The key city officials and their “inner circle” lived in fairly comfortable conditions, even in hungry times they held banquets and parties and wore expensive clothes. The author came to conclusion that corruption activity of economic and party leaders ran contrary to the image of a communist proclaimed by the Soviet propaganda, with the declared ideas of equality and justice. Therefore, such actions caused not only significant economic damage, but also inflicted irreparable reputation damage and discredited the Soviet system of government as a whole.

Keywords:

party and state system of power, the Party Control Commission of the Central Committee of All-Union Communist Party (Bolsheviks), Perm City Committee of All-Union Communist Party (Bolsheviks), the Urals, Perm, economic crimes, corruption, history of industry, industrialization, management practice.

Тема коррупции во властных структурах и хозяйственных организациях на Урале в 1930-е гг. все чаще привлекает к себе внимание историков [1; 2, с. 471–512; 3; 4; 5]. «Дело Пермской лечкомиссии», фигурантами которого стали первые лица пермских властных структур, также попадало в поле зрения специалистов [6, с. 25–26; 7; 8; 9; 10, с. 67–68]. Тем не менее многие детали, проливающие свет на повседневную жизнь и коррупционные практики пермской партноменклатуры, должного освещения пока не получили. Настоящая статья призвана на основе имеющихся в нашем распоряжении архивных документов отчасти восполнить этот пробел.

Руководство страны позаботилось о создании для работников местных партийно-государственных структур системы льгот и привилегий, которая была призвана обеспечить благоприятные материально-бытовые условия для этих работников, включая организацию их отдыха и медицинского обслуживания. Однако многие начальники принялись активно изыскивать дополнительные источники, позволявшие обеспечить им «достойную» (по их представлениям) жизнь.

В Перми для материально-бытового обеспечения местной партноменклатуры при горкоме ВКП(б) была организована лечебная комиссия. За счет лечкомиссии к услугам членов бюро Пермского горкома партии были бесплатны чай, закуски, прохладительные напитки, папиросы, на что за 1933 г. и семь месяцев 1934 г. было израсходовано 37 888 руб. Столовая партактива, обслуживавшая работников горкома, за тот же период была дополнительно профинансирована

на 14 274 руб. За счет лечкомиссии члены бюро горкома получили продуктов не менее чем на 9 тыс. руб. По инициативе ответственного секретаря Пермского горкома ВКП(б) Ивана Николаевича Корсунова всем сотрудникам горкома к Первомайским праздникам были выплачены единовременные пособия и выданы продуктовые посылки [11].

Кроме того, денежные пособия выписывались по самым разным поводам: к ноябрьским праздникам, в связи с поездкой в Свердловск на областную партконференцию, на организацию всевозможных вечеров и прогулок. За 1933 г. на эти цели ушло чуть больше 20 тыс. руб., за семь месяцев 1934 г. – еще 4,5 тыс. Масса средств тратилась на обслуживание многочисленных совещаний, пленумов, конференций, а также прибывавших из области чиновников. На одну только городскую партконференцию, а именно – на обслуживание президиума конференции, было затрачено как минимум 15 тыс. руб., ведь управляющего делами Сенкевича специально отправили за продуктами за сотни километров – в областной центр. На областную партконференцию в Свердловск пермское начальство поехало поездом, в двух выделенных для них вагонах, куда загрузили «целые склады всевозможных закусок и вин». Заодно прихватили с собой жен. По дороге, разумеется, пьянствовали [12].

Денежные пособия выдавались согласно занимаемой должности, в соответствии с властными позициями в руководстве города. Только из средств лечкомиссии Корсунов за неполный 1934 г. получил более 4 000 руб., его жена – 2 200 руб., председатель ревизионной комиссии горкома Лифанов (который по должности должен был проводить проверки финансовой деятельности горкома) – 1 750 руб., заведующий орготделом горкома и председатель лечкомиссии Яковлев – около 4 000 руб., заведующий культпропотделом горкома Трубин (пьянствовавший вместе с Корсуновым) – 3 000 руб., жена Трубина – 200 руб., инструктор горкома Субботин – 1 600 руб., другой инструктор горкома, Кискин – 1 100 руб. [13].

По подсчетам сотрудников партконтроля, за восемь месяцев 1934 г. Корсунов помимо зарплаты и командировочных в собственное распоряжение получил: 930 руб. по фиктивным авансовым отчетам и сделанным припискам; 2 100 руб. от горкома и 1 050 руб. от областного хозупра на расходы по поездке на XVII съезд ВКП(б) (не считая двух бесплатных билетов в «люксе»); денежными переводами телеграфом 1 030 руб.; на лечение от областной лечкомиссии – 700 руб., от лечкомиссии горкома – 3 968 руб., по фиктивному бюллетеню – 600 руб. К тому же от лечкомиссии жена Корсунова получила 2 200 руб., а его приближенный, завхоз горсовета Околокулак на сопровождение семьи Корсунова в южные санатории – 3 000 руб. Итого только деньгами, по неполным данным, Корсунов получил более 15 тыс. руб. Это не считая пособий, премий и подарков: от горлечкомиссии к 1 Мая – 600 руб., от горсовета – две посылки к 1 Мая с продуктами и винами на 600 руб., пособие от хозупра облисполкома – 500 руб., премия от облисполкома – 400 руб. [14].

Человек номер два среди пермского начальства – председатель горсовета Тимофей Иванович Гайдук – за несколько месяцев работы в этой должности (назначен в декабре 1933 г.) успел получить очень большое пособие – 3 500 руб. (это были деньги, вырученные от продажи Водоканалстрою мотора из горсоветского гаража) и различные дополнительные (разумеется, незаконные) выплаты. Притом что, оставляя место директора хромпикового завода, он получил от наркомата премию в 2 000 руб. и подъемные 1 900 руб. [15].

Однако даже этих гигантских (по тем временам) сумм для главного городского начальства Перми было недостаточно. Те или иные продукты или промтовары они получали в магазинах, не тратя на это ни копейки из собственных средств, все расходы оплачивались либо за счет средств лечкомиссии, либо – горсовета. В их распоряжении среди прочих был магазин № 11 Уралторга – закрытый магазин партактива. Отдельные члены бюро горкома, в первую очередь это сам Корсунов и его собутыльник, завотделом горкома Трубин, были главными его клиентами. Среди получаемых ими продуктов питания были колбасы, мясо, балык, масло, сыр, икра, различные консервы, кондитерские изделия. Разумеется, немалую часть занимали спиртные напитки и табачные изделия. Все это – на многие тысячи рублей [16].

Отоваривалось начальство и в другом магазине партактива – № 15. Именно туда в августе 1934 г. поступили лучшие «торгсиновские» товары, которые облвнуторг по запросу из Перми решил реализовать в открытой торговой сети. Товары распределялись среди членов бюро горкома ВКП(б) и членов президиума горсовета. Съехавшееся на дележ товаров пермское начальство разобрало около трех десятков кожаных полупальто (услужливый Трубин сразу же отобрал пять штук для руководства, включая Корсунова и себя, положив в карманы записочки с фамилиями получателей), 18 метров синего сукна, столько же черного драпа, 60 метров трико, обшитые бурки, белые и черные валенки, женскую обувь, детские валенки и ботинки. Гайдук, кроме обуви и тканей, взял себе дорогостоящее ружье [17].

В середине 1934 г. за счет лечкомиссии пермское начальство и их жены обзавелись в универмаге «Кожснабсбыт» обувью. Самая дорогая обувь – туфли из замши – досталась жене секретаря горкома Т.А. Корсуновой. Кроме того, она взяла себе туфли стального цвета, такие же, какие получили жены Трубина и заместителя секретаря горкома Старкова [18].

Не довольствуясь исключительно готовыми изделиями, начальство шило одежду для себя и своих семейств в специальных мастерских. Стоимость пошива была очень низкой (в нарушение закона мастерские не платили налогов), но и ту покрывали из средств горкома и горсовета. В частности, таким способом Корсунов обзавелся очередным кожаным пальто и эксклюзивными сапогами из цветной кожи. Судя по тому, что заводделом горкома Трубин требовал в мастерской партактива «бросать всю работу и выполнять вне всякой очереди заказы ему», начальников и их жен, желающих пошить одежду, было достаточно много [19].

Состав и стоимость бесплатных продуктовых посылок, которые готовились лечкомиссией горкома или административно-хозяйственной частью горсовета, зависели от чина получателя. В них находилось приблизительно килограмм-полтора колбасы, столько же ветчины (рулета), сосиски, три банки консервов, масло, сахар, килограмм конфет, несколько бутылок вина и водки, 10 пачек папирос. Первые лица города дополнительно получили балык, окорок, ликер, печенье. Посылки развозили по адресам ночью на легковой машине, чтобы не так бросалось в глаза [20].

Гайдук требовал от подчиненных горсоветских хозяйственников покупать ему только дорогостоящую качественную колбасу, которая продавалась в Уралгастрономе по 25 руб. Другую колбасу не признавал: «...Эту колбасу даже лошади есть не будут, а ты, подлец, кормишь председателя горсовета». После чего, вперемешку с матом, следовали требования обеспечивать его высококачественными (следовательно, дорогостоящими) продуктами и «выпивкой». На замечание об отсутствии средств Гайдук заявлял: «Это меня не касается, должен достать» [21].

Удивительно, но при всем этом Корсунов и Гайдук заявляли, что ответственные работники в Перми жили в чрезвычайно бедственном положении и даже голодали. Корсунов высказал секретарю лечкомиссии Тимофееву претензии, что последний вынуждал его, Корсунова, голодать. Гайдук заявлял, что руководящим работникам не хватало зарплаты, что они с семьями «...не могут жить так, как им нужно жить, как полагается жить людям, не могут прилично одеться, прилично жить» [22].

Весьма любопытен морально-нравственный облик пермского начальства. В Перми широко было известно, что секретарь горкома Корсунов много пил. Пил как в одиночку, так и с приятелями, и с коллегами. Пьянствовал при выездах на природу, во время поездки на областную партконференцию в Свердловск и даже в Москве, куда ездил в качестве делегата съезда партии. Не стеснялся появляться в пьяном виде в общественных местах. Когда напивался, становился буйным. В московской гостинице поучаствовал в пьяном скандале с дракой. В Перми судачили, что на квартире у Корсунова ни одного вечера не проходит без пьянства, скандалов и драк и будто бы однажды на пикнике за Камой он застрелил человека, но дело постарались замять. Говорили, что Корсунов пьянствует с артистками и что у него то ли три, то ли четыре «жены» [23].

Ближайшим помощником Корсунова был двадцатисемилетний Петр Васильевич Околокулак, получивший в Перми должность завхоза горсовета. «Он был, так сказать, придворным поставщиком Корсунова, доставлял деньги, продукты, вино, – говорил на закрытом заседании бюро Пермского горкома сотрудник партконтроля П.Н. Носов. – Все это доставлял в неограниченном количестве. Занимался Околокулак исключительно изысканием средств для самоснабжения» [24].

Через завхоза горсовета проходили большие финансовые потоки, которые направлялись, как правило, на удовлетворение высоких запросов семьи секретаря горкома партии. Когда жена и двое детей Корсунова отправились на южный курорт, то Околокулаку доверили их сопровождение. На расходы из лечкомиссии ему выделили 3 тыс. руб., а также дали путевку в санаторий (хотя сам Околокулак был беспартийным). Несмотря на то что Т.А. Корсунова отдельно получила большую сумму из лечкомиссии (словно тоже являлась членом бюро горкома партии, хотя в действительности работала экономистом горплана), средства быстро закончились, и Околокулак письмом от 16 июня 1934 г., отправленным из Мисхора, запросил у секретаря лечкомиссии Афанасия Сергеевича Тимофеева очередной денежный перевод [25].

Аппарату уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по Свердловской области удалось установить, откуда брались средства на роскошную жизнь пермского начальства. Важным источником пополнения бюджета Пермской лечкомиссии выступали расположенные в Перми предприятия, организации и учреждения. Всего в специально составленный список были включены около 110 таких «источников». Каждому из них, в зависимости от «мощности», настойчиво предлагалось передать горкому или лечкомиссии сумму от 2 до 16 тыс. руб. Переговоры на эту тему с хозяйственниками вел секретарь лечкомиссии А.С. Тимофеев. Руководителей крупных организаций, а также тех, кто не соглашался либо согласился, но задерживался с перечислением, вызывали в

Пермский горком ВКП(б) к заведующему культпропотделом К.М. Трубину, заместителю секретаря горкома А.И. Старкову или в кабинет самого И.Н. Корсунова. В частности, Старков предлагал заведующему горкомхозом Штанько внести 15 тыс. руб., неоднократно и безуспешно «обрабатывал» по этому же поводу заведующего городским финотделом Быкова [26].

Всего за 1933-й и половину 1934 г. горкомом и лечебной комиссией таким образом было собрано около 740 тыс. руб. Деньги собирались в том числе с крупных предприятий оборонного значения, таких как завод № 19 (21 000 руб.), завод имени Дзержинского (18 200 руб.), Комбинат «К» (пороховой завод) (11 000 руб.). Не остались в стороне другие пермские заводы, тресты, хозяйства, многочисленные торгово-снабженческие организации, наиболее крупные суммы из которых внесли: завод «Красный Октябрь» (14 400 руб.), суперзавод (суперфосфатный завод) (27 641 руб.), Пермгражданстрой (22 730 руб.), Уралзападолес (12 000 руб.), Камлесосплав (12 500 руб.), Уралэнерго (почти 14 000 руб.), Пермдежда (12 343 руб.), Уралторг (11 000 руб.), хлебозавод (14 080 руб.), нарпит (13 460 руб.). Правда, находились и те, чье начальство явно саботировало указания городских властей: судозавод и Востокостроймехантстрой сдали всего лишь по 200 руб., Союзстрой – 350 руб., Заготзерно и Востокостроймеханизация – по 500 руб., завод «Красный партизан» – 600 руб. Однако таковых насчитывалось немного, подавляющее же большинство расстались с суммами от тысячи и выше. Приходилось «раскошелиться» порой на весьма крупную сумму даже таким организациям, как городская детская комиссия, психолечебница, городское общество помощи инвалидам войны, горно, горздрав, гортоп, отделы милиции, трудовая колония, госуниверситет, пединститут, мединститут, сельхозинститут, индустриальный рабфак, речной техникум, коммунально-строительный техникум, Высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа, школа ФЗУ станции Пермь-I, Дом колхозника, сберкасса, страхкасса и другие. Городской финотдел, начальника которого обрабатывал замсекретаря Старков, только в 1934 г. перечислил горкому и лечкомиссии в общей сложности 106 000 руб. Правда, в предыдущем 1933-м, когда Старков еще не занимал столь высокую должность, эта цифра была еще выше – 130 100 руб. [27].

Руководители организаций списывали перечисляемые суммы с различных статей расходов. Так, завод № 10 имени Дзержинского снял деньги с общезаводских расходов и фондов техпропаганды; заводы № 19 и «Красный Октябрь» – с общезаводских расходов; Камводнарпит – записал на счет потерь текущего года; Пермская городская детская комиссия и районное отделение связи – на счет административно-управленческих расходов; Торгсин – общеторговых расходов; горпотребсоюз и горкомхоз – на счет разных доходов и убытков; Автогужтрест – за счет фонда улучшения быта рабочих; Союзтранстрой – за счет случайных расходов и убытков [28].

Председатель Пермского горсовета Тимофей Иванович Гайдук рассматривал сбор средств с заводов и других хозяйственных организаций в пользу властных структур как вполне обычную и нормальную практику. Гайдук, хоть и имел низшее образование и до революции трудился слесарем на петербургских заводах, уже в начале 1920-х занимал крупные руководящие должности в угольной промышленности на Урале. С конца 1920-х гг. он последовательно работал управляющим трестом «Пермьсоль», директором содового завода, начальником строительства Средне-Уральской электростанции, управляющим трестом «Уралэнергострой», директором Уральского хромпикового завода. При опросе сотрудниками партконтроля Гайдук ссылаясь на свой опыт руководящей хозяйственной работы: «...Я знаю, что у нас, как правило, существовало такое положение, что мы давали помощь окружкому партии, когда он еще был, затем – горкому и не считали это преступлением с хозяйственной стороны. Я, например, работал в Березниках, давал. За 15 лет своей работы я ежегодно отчислял, ежегодно представлял отчеты, и ни одного не было замечания от товарища Орджоникидзе о том, что эти выдачи незаконны». На вопрос: «Вы считаете это вполне нормальным?» Гайдук отвечал: «Это вполне нормально, что энная сумма вносится оттуда для того, чтобы обеспечить руководящий состав партийного комитета на командировки их в район, туда и обратно. Недавно со мной товарищ Побережский говорил, что есть приказ по наркомату – нельзя такие выдачи делать, запрещается. Такого приказа я не получал и не читал» [29].

Упомянутый Гайдуком И.И. Побережский, назначенный директором завода № 19, действительно занял принципиальную позицию в этих вопросах. Предыдущий директор завода П.И. Чубуков перечисленные горкому и лечкомиссии средства распорядился списать на общезаводские расходы. Новый директор предупредил своего предшественника, переместившегося на должность заместителя директора этого же завода, что если в Москве эти расходы не будут утверждены, то ему, Чубукову, лично придется погашать задолженность. Вероятность отказа вышестоящих инстанций утверждать подобные расходы была вполне реальной. В такой ситуации, в частности, оказались директор завода «Красный Октябрь» Фоминых и его заместитель Осокин, перечислявшие средства горкому и списывавшие их на те же общезаводские расходы. Трест с такими «общезаводскими расходами», не подтвержденными никакими документами, не согласился и не утвердил их [30].

Находились не только принципиальные директора заводов и управляющие трестами, – встречались и «упрямые» бухгалтера. Так, главный бухгалтер пермской базы хлопкобита, получив письменное распоряжение управляющего базой Романова о перечислении 1 000 руб. на счет Пермского горкома ВКП(б), возразил своему начальнику: «Приказом № 180 от 31/X-33 г. взносы, не предусмотренные сметой, организациям производить воспрещено, и о требованиях на внесение сумм мы обязаны сообщить облконторе. Поскольку сметой на 1934 г. данный расход не предусмотрен, перечислить не могу. Главный бухгалтер Бахарев». Управляющий базой был в гневе от такого «самоуправства»: «Тысячу рублей перечислить 13/I-34 г., и в дальнейшем будете ли вы сообщать или не будете, это ваше дело. Управляющий Романов». Деньги были переведены, а главному бухгалтеру в назидание объявили выговор с предупреждением [31].

В изыскании средств пермское начальство действовало весьма смело и решительно. Горком партии присвоил отчисления в местный бюджет от прибыли коммунальных предприятий в сумме 15 тыс. руб.; не сдал финансовым органам подоходный налог и культжилсбор, собранные с работников аппарата горкома, в размере 22 646 руб.; присвоил средства, поступившие на приобретение облигаций государственного займа, в размере 2 795 руб. [32].

Руководители горсовета со своей стороны тоже зарабатывали на чем только могли. Получали и тратили на свои нужды средства, вырученные за счет сдачи в аренду помещений горсовета, собирали деньги с подведомственных городских организаций. Получив из горкомхоза 5 тыс. руб. на проведение призывной кампании, ответственный секретарь горсовета Нечаев пустил их на покупку дивана, столов, кресел, карнизов и ваз для квартиры председателя горсовета Гайдук. Документы оформили как надо: деньги якобы ушли на проведение кампании призыва 1912 г. рождения.

Ранее уже говорилось, что 3,5 тыс. руб., вырученные от продажи «Водоканалстрою» мотора из горсоветского гаража, были выданы Гайдуку в качестве единовременного пособия. Горсоветское начальство продало еще и лошадь пивзаводу, за что получило 9 тыс. руб. Из этих средств 3 тыс. поделили между собой Гайдук и Нечаев, еще 3 тыс. пошли на оплату их счетов за продукты, взятые в магазине. 613 руб. были перечислены за пользование Гайдуком услугами пошивочной мастерской [33].

Свидетелями повседневной жизни пермского начальства становились простые обыватели. Соседи видели, как ночами на квартиру большим начальникам доставляли продукты питания. Слышали и видели, как начальство устраивает шумные застолья, где вино лилось рекой. Картины барской жизни протекали на глазах у горкомовских буфетчиц, шоферов, многочисленного обслуживающего персонала. Не все скрывали увиденное и услышанное, не все крепко держали язык за зубами. Были и такие, кто «по секрету» делился с коллегами, приятелями и соседями. А потому пикантные подробности привилегированной жизни начальства и их приближенных становились достоянием весьма широкой общественности [34]. Власть несла серьезные репутационные потери. Ведь барская, роскошная жизнь всевозможного начальства протекала на фоне трудного, часто – невыносимо тяжелого материально-бытового положения рядовых работников.

Многочисленные коррупционные действия пермского начальства были установлены и задокументированы аппаратом уполномоченного комиссии партконтроля. Уполномоченный Л.А. Папардэ вместе со своими сотрудниками прилагал усилия, чтобы причастные к незаконному расходованию средств были привлечены к уголовной ответственности. Однако сделать это оказалось весьма непросто.

Судебному преследованию по «делу Пермской лечкомиссии» подверглись лишь те, кто был на вторых ролях, и «пешки» – секретарь лечкомиссии Тимофеев, заведующий культпропом Трубин, ответственный секретарь горсовета Нечаев, завхоз горсовета Околокулак, заведующий горснабом Конев и главбух горснаба Мерунка. Главные же фигуранты – секретарь Пермского горкома Корсунов и председатель горсовета Гайдук, хоть и лишились должностей, но под суд не попали. Совместным решением бюро Свердловского обкома ВКП(б) и партколлегии при уполномоченном КПК по Свердловской области от 11 октября 1934 г. материалы на Корсунова были переданы для рассмотрения в цексовскую комиссию партконтроля. Этим же решением было признано, что председатель Пермского горсовета Гайдук за злоупотребление служебным положением заслуживает исключения из партии. Однако далее следовало одно «но»: «...но, принимая во внимание положительные отзывы о его прежней работе и заверение о том, что дальнейшей добросовестной работой он искупит совершенные им проступки, – считать возможным ограничиться вынесением ему строгого выговора» [35].

В январе 1935 г. решением КПК при ЦК ВКП(б) Корсунов был исключен из партии. С Урала он уехал в Таганрог и устроился там на «теплое место» – руководителем сектора социально-бытовых вопросов завода имени Сталина. В конце того же 1935 г. он, получив положительную характеристику от парткома завода, подал апелляцию в КПК на решение об исключении, которая была удовлетворена. С формулировкой: «учитывая прошлое т. Корсунова и хороший отзыв о

работе т. Корсунова после исключения», КПК вернула ему партбилет с перерывом в партстаже с января по декабрь 1935 г. [36]. Перед проворовавшимся и чуть не спившимся чиновником вновь открылись двери во властные структуры.

Гайдук из области не уезжал. Руководство обкома партии решило пристроить его поближе к Свердловску директором Дегтярского рудника Средуралмедьстроя. Наркомат тяжелой промышленности был поставлен в известность о причинах освобождения Гайдуга от должности в Перми, тем не менее дал добро на его назначение. В кадровых документах Гайдук об истинной причине полученного взыскания предпочел скромно умолчать: якобы выговор (а не строгий выговор) он получил за «неправильное расходование средств». Работу в Пермском горсовете решил вовсе не указывать, что в совокупности говорит о его стремлении скрыть компромат, «вычистить» свой послужной список (бардак в обкомовском кадровом делопроизводстве вполне позволял это сделать). На руднике Гайдук надолго не задержался: спустя год он был назначен директором Полевского криолитового завода [37].

Пока неизвестно, понесли ли уголовное наказание другие фигуранты «дела». Но если проводить аналогию с прогремевшим тогда же «делом Свердловского облисполкома», где самое суровое наказание выразалось в нескольких месяцах исправительно-трудовых работ, вероятнее всего, пермская партноменклатура точно так же отделалась лишь легким испугом. К тому же известно, что даже указания прокурора РСФСР Антонова-Овсеенко о привлечении к судебной ответственности Корсунова и Гайдуга так и остались невыполненными [38]. «Спустить на тормозах» преследование в отношении рядовых фигурантов «дела» для областных властей тем более не составляло труда.

Таким образом, в середине 1930-х гг. пермское начальство широко использовало имевшийся доступ к финансовым и материальным ресурсам в личных целях. Помимо бюджетных средств, важнейшим источником поступления денежных средств и материальных ресурсов во властные структуры являлись многочисленные хозяйственные организации и государственные учреждения, расположенные на территории Перми. Местные органы власти под теми или иными предлогами, а порой и вовсе без них изымали у предприятий и учреждений крупные денежные средства. Эти действия влекли за собой не только негативные экономические последствия для промышленных предприятий и городского хозяйства. Свидетелями повседневной жизни многочисленного партийного, советского и хозяйственного начальства становились простые обыватели, многие из которых еле сводили концы с концами, слухи о барской жизни партноменклатуры имели весьма широкое хождение. Незаконные действия хозяйственных и партийных руководителей шли вразрез с провозглашаемым советской пропагандой образом коммуниста, с декларируемыми идеями равенства и справедливости. Поэтому они причиняли не только огромный экономический ущерб, но и наносили непоправимый репутационный урон, дискредитировали советскую систему власти в целом.

Ссылки:

1. Воробьев С.В. Парадоксы сталинской индустриализации на Урале: немецкие рабочие против советской бесхозяйственности и злоупотреблений // Документ. Архив. История. Современность: материалы IV Международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2012. С. 320–325.
2. Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.: векторы исследования / ред. Д.А. Редин. СПб., 2018. 722 с.
3. Сушков А.В. «Дело Свердловского облисполкома». Привилегированная жизнь «уральских вождей» в первой половине 1930-х годов // Свободная мысль. 2019. № 3. С. 91–106.
4. Сушков А.В., Бедель А.Э., Пьянков С.А. «Так это по советским законам, а мы же в Тагиле!»: коррупционные практики на Среднем Урале в 1930-е гг. // Genesis: исторические исследования. 2019. № 11. С. 134–147.
5. Сушков А.В., Бедель А.Э., Пьянков С.А. Индустрия роскошной жизни: к вопросу о коррупционных взаимоотношениях руководителей уральских партийно-государственных структур и хозяйственных организаций в 1930-е годы // Genesis: исторические исследования. 2019. № 8. С. 69–88.
6. «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. / отв. ред. О.Л. Лейбович. 2-е изд., перераб. М., 2009. 318 с.
7. Воробьев С.В. «Знаете, не поладил немного с Виссарионом»: из истории политического самозванства на Урале в 1930-е гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета : электронный научный журнал. 2015. № 4 (16). С. 91–106.
8. Воробьев С.В. «Я размахнулся... и ударил Молотова по щеке»: политическое самозванство на Урале в первой половине 1930-х гг. // Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания : сборник статей. Ижевск, 2012. С. 508–517.
9. Колдушко А.А. «Я нигде так бедственно не жил, как в Перми, и не буду жить!»: быт и нравы пермской номенклатуры середины 1930-х годов // Повседневность номенклатуры : сборник статей / под ред. В.П. Мохова, Н.А. Фролова. Пермь, 2013. С. 76–88.
10. Колдушко А.А. Кадровая революция в партийной номенклатуре на Урале в 1936–1938 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2006. 222 с.
11. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 236. Оп. 1. Д. 31. Л. 302 об. – 303 об.

12. Там же. Л. 358–359; Д. 31а. Л. 251.
13. Там же. Д. 31. Л. 18–19, 248.
14. Там же. Л. 262–264.
15. Там же. Л. 246, 300, 346; Ф. 4. Оп. 23. Д. 309. Л. 26–27.
16. Там же. Ф. 236. Оп. 1. Д. 31. Л. 354.
17. Там же. Л. 152, 187–187 об., 302 об., 344; Д. 31а. Л. 270.
18. Там же. Д. 31. Л. 249.
19. Там же. Л. 262, 345; Д. 31а. Л. 270.
20. Там же. Д. 31. Л. 23, 156, 309 об.; Д. 31а. Л. 271 об.
21. Там же. Д. 31а. Л. 17.
22. Там же. Д. 31. Л. 226, 247; Д. 31а. Л. 242–242 об.
23. Там же. Д. 31. Л. 172–172 об., 246, 261.
24. Там же. Л. 245.
25. Там же. Л. 204–204 об., 302 об.
26. Там же. Л. 208, 252, 258, 267, 310–311, 318.
27. Там же. Л. 8–15, 252–253.
28. Там же. Л. 289–290.
29. Там же. Ф. 4. Оп. 23. Д. 309. Л. 7–8, 18–19, 24 об.; Ф. 236. Оп. 1. Д. 31. Л. 225, 226 об.
30. Там же. Ф. 236. Оп. 1. Д. 31. Л. 289.
31. Там же. Л. 290.
32. Там же. Л. 251–252, 288.
33. Там же. Л. 256–256 об., 300, 316–317.
34. Там же. Л. 172 об.–173; Д. 31а. Л. 232.
35. Там же. Д. 31. Л. 255–258, 368.
36. Там же. Л. 319.
37. Там же. Ф. 4. Оп. 23. Д. 309. Л. 22; Оп. 20. Д. 654. Л. 1–2.
38. Там же. Ф. 236. Оп. 1. Д. 31. Л. 299, 303.

Редактор: Хорева Людмила Николаевна
Переводчик: Герасимова Валентина Евгеньевна